

С другой стороны Чжан Цинье, увидев, что зов Сюй Сянчэня не помогает, обратился к Чжао Чэну:

— Чжао Чэн, остановись, прекрати это!

Чжао Чэна, которого Сюй Сянчэнь держал на земле уже давно, никогда в жизни не унижали подобным образом. Его глаза налились кровью, он не слушал слова Чжан Цинье и, словно взбесившаяся собака, хотел было укусить Сюй Сянчэня. Но прежде чем он успел открыть рот, Сюй Сянчэнь ударил его по щеке, отчего голова Чжао Чэна дернулась в сторону. Тот попытался снова укусить, но Чжан Цинье окликнул его:

— Чжао Чэн! Ты меня вообще слышишь?

Лишь тогда Чжао Чэн словно очнулся и замер. Он глядел на Чжан Цинье, который уже сидел на земле, и поспешно начал его поднимать. Чжан Цинье выпрямился, окинул взглядом Сюй Сянчэня, после чего покачал головой:

— Не ссорься с другими. Пойдем назад.

Чжао Чэн кротко кивнул, оглянувшись на Сюй Сянчэня. Тот в ходе схватки тоже получил легкие увечья и теперь стоял в тени, где его лица было не разглядеть. Чжао Чэн сплюнул на землю, Сюй Сянчэнь сделал то же самое, но в сторону Чжан Цинье. Прошло столько лет, а этот человек несколько не изменился. Та же широкая душа, доброта и смирение, словно он все время получает выгоды, а сам делает вид, что ни на что не претендует. Это вызывало тошноту.

Чжао Чэн поднялся и, сверля Сюй Сянчэня взглядом, зашагал прочь. Раз уж Чжан Цинье открыл рот, он не стал больше создавать трудности Сюй Сянчэню. Хватит с него и того, что потом он подсуется и подставит тому подножку. Без Золотой нефритовой печати Сюй Сянчэнь теперь был не больше чем обычный человек. Для семьи Чжао прикончить такую бродячую собаку — сущий пустяк. Но он не успел сделать и нескольких шагов, как чья-то рука сдавила его плечо.

Чжан Цинье вопросительно обернулся и увидел, что Сюй Сянчэнь, ни с того ни с сего, оказался рядом. Он вздрогнул, сердце забило еще сильнее: он подумал, что этот человек пришел за ним, и правая рука судорожно сжалась на груди. Чжао Чэн думал так же и плотно заслонил Чжан Цинье собой, готовясь умереть, но лишь бы не пропустить врага. Однако Сюй Сянчэнь даже не посмотрел на Чжан Цинье. В его глазах читалась свирепость, обращенная он к Чжао Чэну:

— Чжао Чэн, тебе лучше больше меня не трогать. Ты знаешь, что я, Сюй Сянчэнь, дожил до сегодняшнего дня без семьи и друзей, ни к чему не привязан. Мне нечего терять, я готов на все. У тебя, у семьи Чжао есть силы, мне не победить, но Сюй Сянчэнь смерти не боится. Мое преимущество в том, что мне не жалко жизни. Если ты меня доведешь, я не против уйти вместе с тобой.

Взгляд Сюй Сянчэня был слишком серьезен, и оба собеседника невольно почувствовали страх. Смысл его слов был предельно ясен, и Чжао Чэн прекрасно его понимал. У Сюй Сянчэня не было ни отца, ни матери. Раньше был единственный друг Лу Фэнли, но теперь и его нет. Если семья Чжао захочет его прикончить, ему нечего терять, он ничего не боится и готов, умирая, утянуть за собой кого-нибудь.

Не страшно, когда за тобой следит безумец, страшно, когда за тобой следит тот, кому плевать на жизнь. Чжао Чэн был напуган решимостью Сюй Сянчэня и долго не мог вымолвить ни

слова, пока наконец не пролепетал:

— Тогда... тогда ты больше не смей приставать к брату Цинье!

Чжан Цинье, которого все это время игнорировали, опешил, когда вдруг услышал свое имя. Он посмотрел на Сюй Сянчэня и привычно замахал рукой:

— Чжао Чэн, не говори так. Не ссорьтесь из-за меня...

Но Сюй Сянчэнь его не слушал и сразу же охотно согласился:

— Как пожелаете. Если вы не будете мне создавать проблемы, я больше не буду его преследовать. Каждая дорога широка, идем своей стороной. Если я еще раз посмотрю на него — буду последним подлецем.

Сюй Сянчэнь на секунду замолчал, потом добавил:

— Но при условии, что ты гарантируешь: больше никаких нападков на меня. Чжао Чэн, у тебя есть семья Чжао, которая тебя прикроет, а у Чжан Цинье ничего нет. Не вынуждай меня...

Сюй Сянчэнь опустил голову и, перевернув кисть, вытащил из рукава маленький кинжал. Эта вещь была с ним много лет, в драке она была бесполезна, но идеально подходила для убийства — человека или зверя. Чжао Чэн даже во сне не мог представить, что Сюй Сянчэнь однажды прибегнет к угрозе жизнью Чжан Цинье. Губы его долго дрожали, не в силах выдавить ни звука, пока первым не заговорил Чжан Цинье:

— Сюй Сянчэнь, ты хочешь меня убить?

В его глазах читалась сложная гамма переживаний: его и без того холодная внешность выражала глубокую обиду. Сюй Сянчэнь бросил на него взгляд — волнения в нем не было ни капли. Он искренне восхитился актерским мастерством Чжан Цинье. Ему хотелось просто жить спокойно, и раз цель предупредить Чжао Чэна была достигнута, не было смысла тратить силы на объяснения с бесполезными людьми. Сюй Сянчэнь развернулся и ушел.

Раньше он относился к Чжан Цинье как к сокровищу. Не то что пугать — в самые процветающие годы, если кто-то осмеливался сказать ему хоть слово против, это зависело от настроения Сюй Сянчэня. Даже потом, когда он потерял власть и его унижали, он терпел, лишь бы не доставлять хлопот Чжан Цинье. Никто — даже сам Чжан Цинье — не мог бы представить, что однажды Сюй Сянчэнь будет угрожать жизнью Чжан Цинье ради того, чтобы напугать его соперника. Если бы он это сказал, ему бы никто не поверил.

Но Сюй Сянчэня совершенно не волновало, верят ему или нет. Чтобы в кратчайшие сроки заставить всех этих воздыхателей Чжан Цинье вести себя смирно, самый эффективный способ — взять в руки самого Чжан Цинье. Раз сам Чжан Цинье не может их урезонить, он поможет ему это сделать. Пустые предупреждения не помогут, и он не против действительно нанести немного вреда. Как только это разойдется, в следующий раз эта публика, прежде чем что-то сделать, обязательно будет иметь в виду последствия. А заодно он косвенно заявил, что отказывается от преследования этого «белого лотоса». Двух зайцев одним выстрелом.

Чжан Цинье долго стоял в оцепенении. Ему, казалось, еще хотелось что-то сказать, но вокруг было слишком много народу, и он не смог раскрыть рот. В конце концов, Чжао Чэн увел его прочь.

Из-за этой задержки Сюй Сянчэнь не знал, успеет ли он до темноты наловить рыбы. На острове солнце стояло высоко, особенно невыносимо было днем, а в лесу водилось множество насекомых. Большинство игроков к утру уже нашли всё, что им было нужно. Сюй Сянчэнь, не заметив, немного отошел в сторону, а когда очнулся, то вокруг не было ни одной живой души. Даже под палящим солнцем окружающая атмосфера заставляла его мурашки бегать по спине. Он присел копать батат и постоянно чувствовал, будто сзади на него налип чей-то взгляд.

Сюй Сянчэнь прожил в Городе Захороненных Костей много лет, и его интуиция редко его подводила.

Докопав батат, Сюй Сянчэнь пошел назад и лишь когда услышал человеческие голоса, почувствовал себя немного безопаснее. Он остановился и сел на землю, старательно очищая свой урожай от кожуры с помощью того самого маленького кинжала. Туманно он увидел, что неподалеку есть еще двое: один лежал на земле, другой, одетый во всё пестрое, дергал лежащего за ногу. Вокруг было очень тихо, изредка слышались невнятные стоны. Поза, мягко говоря, была не совсем приличной. Хотя Сюй Сянчэнь и не собирался подслушивать или подглядывать, расстояние было небольшим, и звуки всё равно доносились до его ушей. Эта дикая парочка совершенно ничего не стеснялась. Слушать до конца было слишком неловко, и Сюй Сянчэнь решил подняться и уйти.

Даже встав и отвернувшись от них спиной, он неизбежно покраснел, и уши его горели. Он прожил две жизни и несколько месяцев был Владыкой города, но в таких делах опыта так и не приобрел. Сюй Сянчэнь не смел обернуться, не то что присмотреться. Он тихо прошел несколько шагов, не издавая ни звука, но не ожидал, что первым заговорит тот, кто остался позади.

Автор имеет в виду: Нажмите на колонку для предзаказа текста «Переселившись в подлого гуна в новелле о всеобщем укэ, он выбрал отказ».

Предварительная публикация истории с выбором любовной линии, черный лотос, параноидальный гун.

Ся Чэн случайно переселился в подлого гуна в новелле о всеобщем укэ. В оригинале, когда Вэй Синсю положил перед ним искреннюю любовь, он не умел её ценить, и в итоге был избит сильными гунами до смерти.

Узнав финал, Ся Чэн решил беречь жизнь и держаться подальше от всеобщего укэ, искореняя беду в корне и всецело занимаясь карьерой.

Но он не думал, что после окончания сериала всеобщий укэ влюбится в него из-за игры, и с тех пор он попал в поле зрения актера, режиссера, сценариста и других сильных гунов. Ся Чэн смиренно заявил:

— Вы сражайтесь, я отказываюсь...

В итоге Ся Чэн, вышедший из шоу-бизнеса и вернувшийся домой на свидание, был окружен толпой людей на вокзале. Он увидел знакомые лица и руки, прочно сжатые Вэй Синсю, и испуганно умолк. В глазах человека перед ним читалось безумие:

— У тебя нет пути назад, так что смотри только на меня одного.